

ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ — КОНСТРУКТИВНО-КОММУНИКАЦИОННОЕ ОСНОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

А. А. Комаров, В. И. Гуваков, Е. О. Соколова

Государственный университет — Высшая Школа Экономики

Современная политическая действительность характеризуется все возрастающим числом искусственно создаваемых политических событий и глобальных ситуаций. Основная политическая игра разворачивается уже не на уровне материальных ресурсов, выборов, избирательных процессов, а на уровне конкуренции концепций и представлений о будущем в коммуникации политиков, чиновников, дипломатов, экспертов, государственных деятелей разных стран. Политическая борьба разворачивается в определении актуального фронта проблем, в формировании «повестки дня» – вопросов, требующих мобилизации общих усилий для решения. Все это требует пересмотра подходов, средств, понятий, методов для освоения политической действительности и формирования нового предмета политической науки.

В статье авторы обсуждают новый инструментарий и понятийный аппарат, адекватный современной политической действительности. Авторами обозначаются границы традиционного понятийного аппарата, в котором описываются политические технологии, и вводится новый метод освоения политической реальности — проблемное освоение. Сама же конструкция проблемы как метод обоснованно представляется и обсуждается авторами как конструктивное и коммуникационное основание политической действительности.

Проблемность в политике возникает там, где есть альтернативные предметные ассоциации, поэтому проявление проблемы связано с редукцией этих ассоциаций к некоторому основанию ассоциации.

На поверхности явлений политическая полемика в процессе принятия властных решений может показаться основным и главным предметом в проблемном исследовании [2, 237]. Но это не так, ибо конечный этап связан с «понимающим» преобразованием политической действительности. Хотя несомненно, что в аспекте полемичности проблемная ситуация может многое потерять вне деятельности, в которой рождается политическое позиционирование.

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что старый понятийный аппарат создавался и существовал в устоявшихся политических отношениях. Но может ли этот понятийный аппарат удовлетворять складывающуюся

область глобальной политики, в которой возникают зоны нестабильности? Какой степенью оперативности должны обладать символы власти, сравнимы ли по этому признаку понятийные конструкции, предлагаемые традицией и нашим пониманием коммуникаций? Ведь понятия не просто изоморфны политической реальности, проекту события, но выступают средствами построения идеального образования — предмета, управляющего движениями в реальности, и то, что они совпадают не по материалу, а по более широкому образованию деятельности, для нас существенно. Это означает, что ситуация в деятельности, ее символы выступают как некоторые проекты отношений между идеальными объектами, моделирующими технологию и политическую реальность как действительность. Однако возникает вопрос: можно ли изобразить политическое, представить некоторым максимумом, без затруднений порождающим символические конструкции власти или преобразующим реальность в эти конструкции? Скорее всего, нет. И большая доля ответственности ложится не на сам проект, а на символ коммуникативности.

Понятийный аппарат описания политических технологий должен значительно преобразоваться в степени оперативности коммуникативного управления конструкциями реальных и искусственно организованных проблем. Движение к властному событию предполагает освоение специфической конструкции, которая увязывала бы все понятия в единое целое и прогнозировала способы развертывания символа в рамках освоения политических конструкций [11, 195].

Построенное событие можно представить как объект схематизации с последующим построением содержательных рекомендаций.

Традиционная конструкция освоения политической реальности построена в описательном виде в диапазоне обыденного сознания, которое не предполагает метатеоретическую интерпретацию [11, 23]. Формируемый «предмет проблемного освоения политического» вводит в выстроенный идеальный объект синтетическое образование — понятийный аппарат и символ востребованности как конституирующее средство. Сложная система контекстов требует специально построенной процедуры с учетом символов политической реальности, соразмерность которых должна быть заложена изначально.

Увеличилось количество искусственно конструируемых глобальных ситуаций, а это уже особая политическая действительность, и она с необходимостью требует других средств соотнесения и освоения. Область соотнесенности требует особенно тщательной проблемной разработки. Методологически должны быть разведены обычное наложение политического события и его единичности на субъект реальности, в противопоставлении символу события, с одной стороны, и граничности политической реальности, с другой стороны. В этом случае реальность выступает не исследовательским полигоном, а конструкторской площадкой.

Здесь возникает известное противопоставление технологии и организованности. В первом случае технология «протаскивает» через себя субъект, во втором случае политическая реальность становится содержательной частью существующей реальности субъекта.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

Проблемная ситуация — это своеобразное конфигуративное метатеоретическое средство, заставляющее политическую предметность погрузиться в реальность, переопределить себя по отношению к целостности (через сочетание определенности и неопределенности) [17, 285]. Проблемная ситуация может считаться раскрытой, когда целостность событийно организовалась в предметной ассоциации, а проблемность редуцирована до оппозиции; необходимость в целостном отпечатке на новом предмете совершена и проблема исчезла. Наличный отпечаток целостности системы политических предметов, связанный с погружением в реальность, редуцирует сложившиеся связи и по-

казывает несостоятельность политического события, акцентируя внимание на неопределенности и незавершенности проблемного освоения.

В проблемном методологическом освоении политической действительности есть глубокий смысл — освоение редуцирует к неопределенности, которая сложилась в нем, через попытку выйти за пределы реальности [17, 284].

Редукция политической предметности к власти — только одна из функций проблемной ситуации, но в ней заключается жизненность проблемы, ее неисчерпаемый механизм движения [10, 378].

Проблема характеризуется функцией разрушения. В чем же заключаются эти диссимилятивные функции проблемы? В проблемном освоении, как в некотором отрицании сложившихся коммуникаций, должны быть переопределены не только сами предметы, но и организованности их совместного существования. Необходимо выйти за пределы редукции и сформулировать новое позиционное пространство и время, которые первоначально и есть сама политическая реальность [15, 157]. Предметность станет иной на фоне нового проблемного пространства и времени, а предмет власти проявит себя в характеристиках деятельности. Так, к проблемному освоению добавляется штрих действия, а именно — осмысление соединения символического и предметного отказа от избыточной рассудочной деятельности [18, 29].

Проблемная ситуация реализует себя через действия, раскрывая простой закон: редукция и распремечивание содержимого снимает возражения в иррациональности политического действия, поскольку есть прямой выход в предметность, с новым порядком и новыми определениями. Проблемное движение при этом не теряет границ реальности, а приобретает новое измерение.

Хотелось бы подчеркнуть, что в этом случае проблемное освоение меняет некоторые свои черты. И это естественно, ибо, становясь средством исследования, проблема редуцируется относительно объекта до задачи политического действия.

Констатация проблемного освоения требует языка символов, в котором не должно произойти преждевременное опредмечивание проблемы, а строилось бы мета-понимание [1, 153].

Трудности проблемного освоения политической реальности состоят также и в том, что этому нельзя научить — к нему должно быть личностное стремление. Это первое. Второе: отсутствие такого однозначного предмета, в котором фиксировалось бы проблемное освоение [19, 367]. Трудно

совершить редукцию всех предметных ассоциаций политической деятельности к проблемному субстрату. Достигнув определенной точки редуцированности своих предметов, она (редукция) выдвигает проблемность как основной источник собственного движения вперед, как специфическую форму коммуникативности.

В политической деятельности есть особый пласт предметов, выполняющих собой «проект», по которому строят разрабатываемую концепцию. У этих предметов должна быть проблемная основа и управляющий механизм символов, рефлексивно построенный на ней. Изменяющаяся, ставшая самостоятельной предметная область технологически иерархизируется, задается принципом целостности ради самой себя.

В этом смысле область политических проблем очень похожа на самонастраивающийся механизм, в котором появляется свой, присущий только этой деятельности понятийный аппарат и знаковые средства, организующие понятийную схему.

Необходимо отметить и политиков как исполнителей технологического дела и вообще всех вплетенных в структуры события сотрудников. Это должны быть индивиды с новым способом видения, и их понимание необходимо строить, прогнозировать уже в обучении.

Содержательные конструкции понятийного аппарата движутся в неоднородном материале, одновременно используются понятия-знаки политической деятельности и знаки субъекта деятельности. Создание понятий управляющей системы и определение ее структуры заведомо долго будет определяться не каким-то потолком и символами политического события, а только эмпирическим материалом обозначения такового. Это будет схемное построение, рассчитывать на него можно только как на первый уровень работы. Деятельность существует только в реальных событиях, с объектами и системой методологического обслуживания [20, 59].

Понятийный аппарат, в котором традиционно описываются политические технологии, не был создан специфическим для описания только этих ситуаций, собран поэлементно и в онтологиях, и в различных деятельности, и представляет собой схему деятельности в материале властного события. Вероятно, до настоящего времени и не могла стоять задача построения самостоятельного проблемного аппарата описания политической деятельности; и, соответственно, не могла решаться путем задания преимущества той или иной карти-

не деятельности (как правило, это так и делается до сих пор).

Средством, указывающим на событие, должен быть символ. Конструирование события в иной, уже освоенной сфере символов не может быть ассимилировано без дополнительного исследования природы и структуры этих символов [4, 149].

Возникают проблемы построения технологий привлечения социальных символов для одного уровня политических событий. Политическая деятельность создала условия и контексты, в которых изменяется представление о субъекте события, создала целую иерархию социальных объектов, указывающих на роль сознательного контекста в политической деятельности. И, тем не менее, еще долго будет сохраняться онтологичность предшествующих технологических представлений о политической деятельности. Это связано с тем, что в теориях события до сих пор с трудом работает понятие интегрированного «коммуницирования» [20, 59]. Реальное вычленение имманентных событий характеристик политического необходимо, поскольку они обладают иным пониманием. Направленность исследования на рассмотрение политической деятельности в рамках непреобразованного понятийного аппарата дает возможность описать дело, в лучшем случае, как инструмент-преобразователь общественного материала, деятельность как опредмечивание, но не как специализированную деятельность, управляющую созданием события и его символического изображения, связанных внутри деятельности.

В настоящее время в политологических дисциплинах очерчен небольшой, но уже значимый круг (например, консалтинг) искусственно созданных символов-понятий политической действительности, где новые функции деятельности как целостного образования налицо. Представленные в этих искусственных объектах социальные характеристики способны переориентировать рассмотрение системы в символы этой действительности [7, 13].

Пожалуй, не только в политической деятельности можно выделить кооперацию естественных и искусственных характеристик управления, поскольку в метатеории соединены политическая реальность и социальная значимость; развитие и использование символа события как критерия, как движения части картины человека, и управление — как способ получения и преобразования команды действия.

Появление изменившихся условий существования картины политического человека изменило

целую область действительности и внесло необходимость в новом понимании политической деятельности. Возможно, именно это и дает нам право выделить политическую реальность как самостоятельную социальную действительность, где кроме правил формирования властного события должен быть зафиксирован целый ряд правил нового порядка, имеющих статус символа.

Деятельность организации события в этих условиях выступает как уникальная, неповторимая. Возникает проблема включения полученного результата в контекст всеобщности и возможной повторяемости [5, 95]. И в этом смысле все более или менее работающие символы события и развертывались как попытка преодоления известного конфликта, возникающего в момент становления единичного политического результата универсально-всеобщим достижением [6, 147].

Попытка преодоления такого конфликта уже осуществлялась при рассмотрении некоего единичного политического события в качестве целого, данного как функционально-единое; и некоего обыденного символа, который возвращается в это целое в качестве результата индивидуального действия, зафиксированного в ценностных конструкциях [6, 71]. И здесь исследовательские традиции чрезвычайно богаты и заданы в обширной литературе и у разных мыслителей. Пока в технологическом плане преобразования события не видно некоей более общей картины понимания символа, в которой политический конфликт приобретал бы единство, за исключением представлений об организации в социокультурном контексте. Фрагментарность политического не преодолевалась, а решением проблемы было принято считать подключение единичного символа к разным типам деятельности и сопоставление его то с функцией субъекта, то с действиями политического преобразования, то с картиной персонификации политики. Такие традиции сложились наиболее определенно в конце XX-го века [16, 107]. Технологическое проектирование проникло во все предметы и функционально само стало средством объединения и кооперации. Особенно характерно появление межнаучных метатеоретических комплексов в описаниях политической индустрии.

Коммуникационные исследования и знания стали звеном, связывающим различные политические научные предметы, стали системообразующим механизмом, самостоятельной действительностью. Однако отсутствует сформировавшееся его конфигурационное описание и теоретический механизм

рефлексивного осмысливания [13]. Отсутствие же выраженного рефлексивного момента в современном движении затрудняет выяснение его метатеоретической сути, что нередко приводит к отождествлению предметного существования политических технологий с самой политической действительностью. Эта же причина затрудняет последовательное использование в анализе политической деятельности рефлексивных (по происхождению) категорий управления системы, деятельности и т. д. [14, 71]. Вероятно, с этим связано и то обстоятельство, что специальный анализ символа политического события сопряжен с изучением проблем планирования и исследования методологии события. Надо полагать, что возникающие трудности связаны с онтологической нечеткостью предмета, который задается традиционным обыденным знанием.

Возникает вопрос, как понимать эмпирическую область властных событий, входящих в состав политической деятельности. Если при таком размытом представлении о политике в традиции все-таки ясно, каков аппарат анализа и с чем предметно связана политическая востребованность, что в этом аппарате онтологизировано и какие схемы объяснения можно построить, то для политической деятельности в целом это еще предстоит сделать (и предстоит делать постоянно).

Несомненно, определение эмпирической области политической востребованности уточнит адекватность отношений задаваемых структур технологического изображения к способу понимания. Предполагается, что эти типы изображения как раз и должны придать ценность обсуждаемому материалу. Здесь же возникает вопрос: статус какой области исследования в традиционном определении политического события приобретает — технологической, теоретической или же новой метатеории, не имеющей традиционного определения? Возможным критерием эффективности этой символической структуры метатеории может быть возникновение специфических процедур, вокруг которых эта сфера символов будет концентрироваться. Нетрудно представить себе, что совокупность прежних обыденных процедур построения события станет элементом, хотя и не будет обладать новообразующим признаком.

Кроме такого предельного случая возможен симбиоз старых и новых онтологий, однако, с преобладанием новых [11, 190]. В этом случае существенным для методологического исследования является точное и достаточно емкое представление технологической области политической деятель-

ности. Это социальный механизм, обладающий способностью фиксировать изменяющиеся структуры коммуникаций независимо от индивидуального понимания символа востребованности. Относительная стабильность таких структур определяется совокупностью проблем, которые уже развернуты или которые можно развернуть над этой областью. Возможность структурирования проблемной ситуации или совокупности проблем действительности политического события обозначена в отечественной и зарубежной литературе [9, 123].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проектируемая **коммуникативная действительность** непохожа ни на эмпирическое позиционирование, ни на теоретическую социальную науку управления в их традиционном технологическом понимании. Рефлексивные способы развертывания политической реальности должны быть соответственно представлены имманентно конструктивным средствам. Это не означает онтологического навязывания символа-проектируемой действительности всем участникам [8, 195]. Переход осуществляется, и он связан именно с социокультурным контекстом, о чем убежденно говорят исследователи политологии. Наиболее важный в содержательном отношении вопрос: как различить ситуации введения символов, технологически отделенных друг от друга? Теперь объем социокультурно освоенной действительности значительно увеличился по сравнению с концом XX-го века.

Для проекта властного события необходимо построить такую метатеоретическую конструкцию, которая в схематически-фреймовом плане объясняла бы способность системы, неотторжимость ее частей и субстрат, в котором она производится. Тем более что возникает проблема освоения отнесенности событийных продуктов. Кроме того, возникает вопрос, какие из уже существующих областей политической деятельности можно использовать в качестве конструктивного материала. Относительно конструктивного материала необходимо привести следующие соображения, касающиеся требований к нему: это такие проблемы освоения политической реальности, которые социализированы либо через технологический потенциал исполнителя, либо их освоение максимально развертывается социумом, где человек неизбежен как безусловно значимый элемент реальности [1, 235]. Таков спектр проектов, две полярные области применимости моделей политической реальности. Будет ли

здесь символ задавать реальное соединение события и реальности, будет ли здесь фиксировано событие как действие, покажет набор индивидуальных характеристик события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Г. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Г. Лукман. — М.: Академия-центр; Медиум, 1995.
2. Виханский О., Наумов А. Менеджмент / О. Виханский, А. Наумов. — М.: Гардарики, 2003.
3. Гуваков В. И., Ситников А. П. Эффект между... Проблемы метатеории консалтинговой деятельности / В. И. Гуваков, А. П. Ситников. — М.: Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт», 2005. — 256 с. — (Серия «Современные консалтинговые технологии»).
4. Делез Ж. Переговоры / Ж. Делез. — СПб.: Наука, 2004.
5. Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. — СПб.: Петрополис, 1998.
6. Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. — М.: Идея Пресс, 2000.
7. Котлер Ф. Маркетинг от А до Я / Ф. Котлер. — СПб.: Нева, 2003.
8. Лоренцер А. Археология психоанализа: интимность и социальное страдание / А. Лоренцер. — М.: Прогресс-Академия, 1996.
9. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Ж.-Л. Нанси. — Мн.: И.Логвинов, 2004.
10. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика / П. Рикер. — М.: Academia-Центр, 1995.
11. Розин В. М. Культурология. Учебник для вузов / В. М. Розин. — М.: Форум-Инфра М, 1998.
12. Розин В. М. Типы и дискурсы научного мышления / В. М. Розин. — М.: УРСС, 2000.
13. Степанов С. Ю. Рефлексивная практика творческого развития человека и организаций / С. Ю. Степанов. — М.: Наука, 2000.
14. Сычева Л. С. Проблема предмета исследования // На теневой стороне / Л. С. Сычева. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996.
15. Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология / Г. Л. Тульчинский. — СПб.: Алетейя, 2002. — 680 с. — (Серия «Тела мысли»).
16. Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко. — М.: Смысл, 1998.
17. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии / М. Хайдеггер. — М., Прогресс, 1988.
18. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики / М. Хайдеггер. — М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
19. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1993.
20. Щедровицкий Г. П. На досках / Г. П. Щедровицкий. — М.: Изд-во Школа культурной политики, 2004.